

В. САЙНБАЯР

**Иноязычная
лексика в путевых
записках
Петровской эпохи**

Путевые записки — важная страница в истории литературы Петровской эпохи. В них авторы

отразили основополагающие идеи своего времени: просветительский и гуманистический пафос, повышенное внимание к западноевропейской жизни и культуре. Памятники конца XVIII века — это, прежде всего, литература поиска новых жанров и стилей. Этому переходному периоду в истории русской литературы принадлежат путевые записки стольника П. А. Толстого.

знаменитого рода Толстых он вошел в историю русской словесности как автор «Путешествия» — книги, которую считают «энциклопедией» европейской жизни конца XVIII столетия и одним «из наиболее замечательных литературных явлений»¹. Отправленный в числе других стольников по указу Петра Первого «в европейские христианские государства для науки воинских дел»²

Петр Андреевич Толстой был крупным государственным деятелем Петровской эпохи. Первым из

(С. 5³), он в 1697–1699 гг. побывал в Польше, Священной Римской империи, Венеции, Милане и Неаполе, Папской области, Дубровнике, на островах Сицилия и Мальта. Увиденное за границей П. А. Толстой описал в путевом дневнике, который являлся не только отчетом о его поездке в Италию, но и средством приобщения русских людей к европейскому опыту в развитии экономики, политики, социальных отношений и культуры. Дневник путешествия создавался писателем в ходе самой поездки, о чем свидетельствуют подробность и тщательность описаний.

П. А. Толстой, претворяя в жизнь культурно-просветительскую программу «возрождения» России Петра Первого, создал в «Путешествии» многогранный образ Европы. По словам одного из первых исследователей произведения Н. А. Попова, русский стильник оказался на редкость любознательным и проницательным путешественником, сумевшим понять и точно передать особенности западной действительности, образа жизни и европейского мышления конца XVII века⁴.

П. А. Толстой описал обычаи и нравы разных народов, памятники религиозной и светской культуры: монастыри и университеты, соборы и музеи, церковные процессии и маскарады... Реалии европейской жизни, новые для русского человека, требовали новых слов, что вело к расширению словаря путевых записок за счет лексики, заимствованной из других языков. Этот процесс — явление закономерное, ибо «при заимствовании новых понятий, идей, предметов происходит и заимствование слов, их обозначающих, что не ущемляет национальную самобытность народа, а, наоборот, обогащает словарный состав одного языка за счет словарного состава других языков»⁵.

Хотя П. А. Толстой был отправлен за границу для изучения военно-морского дела, в своем произведении он определил цель путешествия иначе — как изучение «всяких изрядных вещей, которые зрению человеческому сладки обретаются» (С. 25). Широта

охвата европейской действительности, разносторонность сведений о странах, которые посетил и описал русский стильник, привели к тому, что объем иностранных слов в языке «Путешествия» оказался велик. В основу типологии иноязычной лексики в путевых записках П. А. Толстого положен тематический принцип, универсальный и испытанный временем, встречавшийся уже в средневековых азбуковниках⁶. Согласно этому принципу слова группируются по сфере употребления.

а) Самый обширный языковой пласт образуют иностранные слова, обозначающие реалии общественного и частного быта. В эту лексико-семантическую группу входят, например, названия предметов домашнего обихода, хозяйственной утвари, построек и их частей: «остария» (ит. osteria) — гостиница, «камера» (лат. camera) — комната, «балдахин» (ит. baldacchino) — пышный навес над почетным местом; названия средств передвижения и их частей: «гундал» — «гондола» (ит. gondola) — одновесельная плоскодонная лодка, «портшез» — «порчшез» (фр. portechaise) — легкое переносное крытое кресло, «корета» — «карета» (пол. karetka) — конный экипаж; названия одежды и ее элементов, тканей и украшений: «алтабас» (пол. altabas) — парча; «камка» (пол. kamka) — шелковая ткань, «трип» (ит. trippa) — шерстяная ткань, «флер» (нем. flör) — тонкая прозрачная ткань; названия кушаний и блюд: «конфекты» (лат. confectum) — сладости, «лимонат» (ит. limonata) — напиток из фруктов, «чекулат» (исп. chocolate) — шоколад.

б) Большая группа заимствований связана со сферой социальных отношений. Это названия лиц согласно их административной должности, служебным функциям, социальному положению, профессиональной принадлежности: «патрон», «прокуратор», «сенатор», «ординат» — лат.; «кавалер», «камарер» — ит.; «граф», «маркграф», «курфистр» — нем.

в) Текст путевых записок П. А. Толстого включает термины из области экономики, торговли и финансов: «экономия» — гр.;

«интрата», «лицензия», «маркандия» — ит. В отличие от путевых записок паломников петровского времени, среди которых было много людей купеческого звания, в «Путешествии» Толстого этот пласт заимствований не является значительным и стилиеопределяющим.

г) Автор путевых записок активно пополнял свой словарь за счет иностранных слов из сферы политики, государственной жизни и международных отношений: «декрет», «президент», «республика», «юстиция» — лат.

д) П. А. Толстой изучал за границей корабельное и мореходное искусство, что объясняет преобладание среди заимствованной лексики морской терминологии: «арбур», «бастимент», «галера», «галияс», «гольфа», «курсар», «маринер» — ит; «буссола», «фрегат», «порт» — фр.; «навтика» — греч; «адмирал», «барка», «каюта», «лабир», «штиль» — гол. Доминирование заимствований из голландского и итальянского языков связано с тем, что именно в Голландии в это время был сильный морской флот и развитое кораблестроение, а науку мореходства московский стольник изучал в Италии.

е) В связи с реорганизацией системы вооруженных сил в петровское время словарный состав русского языка пополнился иноязычной военной лексикой. Поскольку раньше других европейских стран регулярная армия возникла во Франции и Германии, то языки этих государств стали «донорами» для русского. П. А. Толстой до путешествия в Европу долгое время служил в армии, был прекрасным специалистом в этой области. Без овладения иностранной военной терминологией нельзя было учиться у иностранцев военно-морскому делу и перенимать их опыт.

Лексика из области военного искусства представлена в путевых записках Толстого заимствованиями из французского языка: «цитадель», «бастион», «бомба»; немецкого: «драбант», «офицер»; итальянского: «гвардия», «кавалерия»; польского: «хорунжий», «желнер», «ротмистр».

ж) П. А. Толстой — человек, сформированный культурой барокко, где уживалось и светское, и духовное, большое внимание уделяет религиозной сфере жизни человека. В путевых записках он подробно рассказывает о церковных праздниках и процессиях, о христианских раритетах, хранящихся в европейских церквях, костелах, монастырях. Разумеется, что при этом он активно вводит в текст грецизмы, связанные с богослужбной практикой («антидор», «антиминс», «дискос» и др). В отличие от паломнических «хождений» содержание этих слов в «Путешествии» Толстого незначительно и тематически локализовано.

Интересно отметить, что среди заимствований этой группы растет число полонизмов и латинизмов, что характерно для языка светских путевых записок Петровской эпохи, авторы которых преимущественно путешествовали по странам Западной Европы: «апат» («аббат»), «каплан» («капеллан»), «каплица», «кардинал» — лат.; «ксендз», «кляштор» — пол.

з) Культурологический аспект восприятия и изображения европейской действительности в путевых записках Толстого является главным, поэтому в его произведении среди иностранной лексики самым мощным будет пласт заимствований из области искусства, науки и просвещения. С XVII века Италия стала местом паломничества для людей искусства, так как была родиной барокко и сокровищницей памятников античности. Не случайно в произведении Толстого лексика, относящаяся к музыке, театру, архитектуре, скульптуре и живописи, была в основном итальянского происхождения: «бельвард», «галлерея», «картина», «кантата», «опера».

В группу заимствований искусствоведческого характера, помимо итализмов, входят иностранные слова из других языков, например, из греческого («театр», «литавры») и немецкого («арфа», «куншт»).

и) Научная терминология, универсальная для европейских языков, представлена в записках Толстого словами из греческого

(«анатомия», «астроном») и латинского («деклинация», «навигация») языков. Обилие иноязычной лексики из этой области, а также «тщательность описаний, любовь к конкретности и научной точности, лаконизм стилиевой манеры» сближают книгу Толстого с «учеными путешествиями XVIII–XIX вв.»⁷.

к) В произведении московского стольника тонок пласт заимствований, связанных со сферой внутреннего мира человека. Видимо, в этом сказались рационализм мышления П. А. Толстого и то, что он осваивал европейскую действительность и иностранные языки, будучи человеком преклонного возраста, умудренным житейским опытом. Кроме того, в России петровского времени процесс усвоения заимствованной лексики предметного характера опережал процесс становления нового «языка чувств». В изображении «внутреннего человека» Толстой предпочитал оставаться верным русским языковым традициям. Обращаясь к общеславянскому по происхождению слову «любовь», он использует его производные: чувство дружбы, особого расположения передает словом «любительство»; обходительного, учтвого человека называет «любезным». Заимствование «темперамент» (лат. *temperamentum*) использует только в физико-астрономическом смысле, характеризуя расположение звезд. Редкие исключения из этого правила — латинские по происхождению слова «фавор» (в значении «благосклонность»), «гонор» (в значении «честь, уважение»), «грация» (в значении «милость»).

Заимствования в путевых записках П. А. Толстого можно классифицировать, не только исходя из их семантики, но учитывая то, как сложилась судьба этих слов в новых языковых условиях. Часть иностранных «речений», использованных писателем, встречалась в памятниках художественной и документальной литературы до «Путешествия» («алебарда», «алебастр», «математика», «мушкет»), другие были введены в языковой обиход во многом благодаря Толстому («камердинер», «навтика», «театр»).

К новым словам среди заимствований, которые начали употребляться в петровскую эпоху и вошли в лексический состав путевых записок московского стольника, относятся следующие: «гармада» (согласно данным «Словаря русского языка XVIII в.» словоупотребление зафиксировано в 1697 г.); «армилярный» (1698); «артифициальный» (1698); «аттестация» (1698); «анатомия» (1698); «апат» (1697); «бастимент» (1697); «балдахин» (1697); «басета» (1697) и многие другие.

Иноязычная лексика, которая входила в словарь писателя-путешественника конца XVII века и сохранилась до настоящего времени, обычно обозначала предметы и явления, прочно утвердившиеся в русской действительности.

О процессе семантической адаптации заимствования в системе принимающего языка говорит то, что автор пытается найти иностранному слову русский эквивалент. Заимствования в «Путешествии» П. А. Толстого, как правило, сопровождаются авторским переводом, например: «...в *машкарах*, по-словенски в *харях*...», «...во время великой *фортуны*, то есть *сильных ветров*...» (С. 106, 114).

Введение в текст иноязычного слова могло сопровождаться сравнением неизвестного с известным, что было характерно для путевой литературы со времени «Хождения» игумена Даниила (нач. XII века): «А все венециане, дворяне и купцы... имеют при себе под одеждами тайно невеликие *штылеты*, подобны *ножам остроколым*...» (С. 54).

При отсутствии необходимого русского эквивалента Толстой-переводчик стремился подобрать близкие, хотя и не тождественные по значению слова: «публично» — «соборно», «конфузия» — «замешание», «декрет» — «вершение делу и указ» (С. 208, 11, 64).

Если в русской действительности отсутствовал сам предмет называния, Толстой прибегал к пространной форме комментария через описание внешнего вида этого объекта: «...в Венецы один дом, который на-

зывается по-итальянски *редута*; *зделан для того, что в том доме играют в карты, в золотые червонные и во всякую манету*; «При море построен дом, которой называется *арсинал*: на том дворе делают всякие морские суды» (С. 108, 151).

Когда в лексическом запасе писателя-путешественника не было слова для обозначения того, что он видит, Толстой прибегал к развернутому описанию необычного явления. Приведем примеры, доказывающие недостаточность русского языка Петровской эпохи для обозначения реалий европейской жизни: «Около той площади много лавокъ, въ которыхъ делаютъ и продаютъ *волосы накладные...*», т. е. парики; «На той же площади при море бывають построены *анбары великие и сараи*; в тех *анбарех тонцуют люди по веревке...*» — речь идет о цирке (С. 104, 105).

Книга Толстого была обращена к русскому дворянину, в котором писатель хотел видеть читателя образованного, обладающего развитым ассоциативным мышлением. О значении тех или иных заимствований такой читатель без труда мог судить, исходя из контекста, поэтому Толстой не все новые слова сопровождал языковедческим комментарием: «...заиграла вся музыка на *фиолгалбах*, на *арфах*, на *штормах*, на *цитрах* и на *флейтах...*»; «...и ему было ехать ко мне невозможно, для того что был болен *феброю...*» (С. 45, 150).

Заимствования, выполняя просветительскую, образовательную функцию, могли вводиться в текст путевых записок через указание на то, из какого языка они пришли в лексикон Толстого, иметь при себе этимологическую справку: «анисовая водка... *по-италиянски называется аква вита*», «те рыбы *гишпанцы называют шпадами*, подобна та рыба видом рыбе севруге», «полаты изрядные... *называются по-флоренску галлерия*» (С. 71, 106, 231).

Автор «Путешествия» явно обладал большими лингвистическими способностями. Если в начале пути он пользовался услугами переводчика (например, во время визита

к папскому нунцию в Варшаве монсиньору Давиа), то на острове Мальта московский стольник вел беседы с «кавалером Каравитой» на итальянском языке. Более того, Толстой так хорошо овладел этим языком, что мог различать диалекты: «В Медиолане говорят все итальянским языком, толко в малом не в чем от италиянского языку есть отмена»; «Город Бар многолюден, народ в нем гишпанской; говорят по-итальянску, однако ж с венециянами и с римлянами в языке имеют малую некоторую дифференцию»; «В Риме говорят итальянским языком изрядно, чисто, многих итальянских мест лутче»; «А говорят в Болони все по-итальянски, однако же ниже флоренскаго языку» (С. 94, 123, 225, 235). Русский путешественник, уважительно относившийся к культуре других народов, остро ощущал красоту звучания итальянского языка, о чем свидетельствует одно из первых его наблюдений, сделанных в Венеции: «Князь венецкой в костеле Святого Марка слушал казания, которой сказывал, стоя на кафедре, поп белой зело предивно итальянским языком» (С. 98).

По мнению академика Д. С. Лихачева, в русской литературе путевые записки Толстого — первый случай после «Жития» протопопа Аввакума, когда в произведении с такой отчетливостью проявилось авторское начало⁸. Все современники, лично знавшие Толстого, русские и иностранцы, высоко оценивали его как государственного деятеля: «умнейшая голова в России», «благовоспитанный», «искусный и влиятельный». Они отмечали блестящую память Толстого, его острый ум, осторожность и дальновидность в решении политических проблем, редкие для России того времени интеллектуальную и эстетическую культуру. Разумеется, что это нашло преломление в авторском стиле «Путешествия», который обнаруживается на уровне отбора как объектов изображения, так и лексических средств. Использование писателем иноязычных заимствований придает тексту «Путешествия» не только точность описаний, по-своему документируя повествование, но и резко раз-

двигает границы родного языка, обогащая его новыми словами, новыми возможностями художественной выразительности речи. Употребление заимствованной иноязычной лексики и отношение к ней Толстого могут быть показательны для характеристики и стиля данного автора и всей системы русского языка конца XVII — начала XVIII вв.

Заимствования из других языков — стилиобразующий признак путевых записок как особой литературной формы. Иностранные «речения» встречались в древнерусских паломнических и купеческих «хождениях», в статейных списках послов и рассказах землепроходцев, однако до «Путешествия» П. А. Толстого этот языковой пласт в произведении не был столь значительным по объему и разнообразным по функции. Тематический диапазон заимствованной лексики в его путевых записках охватывает все сферы человеческой деятельности: государственной, военной, научной, связанной с «низким» бытом и «высоким» художественным творчеством. Иноязычная лексика в путевых записках Петровской эпохи, безусловно, способствовала «европеизации» и «обмирщению»

русского литературного языка на рубеже средневековья и нового времени.

¹ Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки (Сер. «Литературные памятники»). М. ; Л., 1954. С. 341.

² Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697-1699 / издание подготовили Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1992. С. 5-248.

³ В дальнейшем в тексте все примеры цитируются по этому изданию. Цитируемые страницы указываются в тексте, в скобках.

⁴ См.: Попов Н. А. Путешествие в Италию и на Мальту стольника П. А. Толстого в 1697-1699 годах // Атеней. 1859. №7. С. 300-339.

⁵ Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978. С. 155.

⁶ См.: Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М. ; Л., 1963. С. 57.

⁷ Травников С. Н. Путевые записки Петровского времени (проблема историзма). М., 1987. С. 97.

⁸ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 120.